

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.1>

UDC 811.161.1'04
LBC 81.411.2-03

Submitted: 11.04.2022
Accepted: 20.06.2022

TERMINOLOGICAL MEANINGS OF EMOTION VOCABULARY IN “THE CHARTER OF PRINCE VLADIMIR ON TITHES, COURTS AND CHURCH PEOPLE”

Evgeniya G. Dmitrieva

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article considers the processes of terminology formation on the basis of commonly used words by the material of one of the oldest monuments of ancient Russian legislative code “The Charter of Prince Vladimir on Tithes, Courts and Church People”. The object of the study is the vocabulary of emotions. By means of component and contextual analysis the author comes to the conclusion that it is causal semantics that provide basis for formation of terminological meaning in the semantic structure of emotives, since the cause or consequence of emotional experience is always something objective – an object, a sign, a process. A semantic shift occurs in the meaning of a language unit when the characteristics of the subject (*strashnyj sud, prokljast’* / the last judgment, to curse) or the object (*obiděti, poobiděti, preobiděti* / to offend) change. The ratio of emotive and terminological meanings made it possible to divide the vocabulary of emotions in the “Charter of Prince Vladimir on Tithes, Courts and Church People” into three groups: words used in an emotive meaning; words with a syncretism of emotive and terminological meanings; homonymous terms. The involvement of lexicographic data revealed instability of terminological meanings of emotives in the legal language and their preservation in the church sphere.

Key words: history of the Russian language, lexical semantics, lexis of emotions, administrative writing, legislative text.

Citation. Dmitrieva E.G. Terminological Meanings of Emotion Vocabulary in “The Charter of Prince Vladimir on Tithes, Courts and Church People”. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 5, pp. 5-16. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.1>

УДК 811.161.1'04
ББК 81.411.2-03

Дата поступления статьи: 11.04.2022
Дата принятия статьи: 20.06.2022

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ ЛЕКСИКИ ЭМОЦИЙ В «УСТАВЕ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА О ДЕСЯТИНАХ, СУДАХ И ЛЮДЯХ ЦЕРКОВНЫХ»

Евгения Геннадьевна Дмитриева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье на материале одного из древнейших памятников древнерусской законодательной мысли – «Устава князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных» (далее – «Устава князя Владими-

ра...») – рассматриваются процессы формирования терминологии на основе общеупотребительных слов. Объект исследования составляет лексика эмоций. Опираясь на результаты компонентного и контекстуального анализа, автор приходит к выводу о том, что базой для формирования терминологического значения эмотивов послужила выражаемая ими каузальная семантика, поскольку причиной или следствием эмоционального переживания всегда выступает нечто объективное – предмет, признак, процесс. Установлено, что семантический сдвиг происходит в слове тогда, когда меняются характеристики субъекта (*страшный суд, проклясть*) или объекта (*обидѣти, пообидѣти, преобидѣти*). Соотношение эмотивного и терминологического значений позволило разделить лексику эмоций в «Уставе князя Владимира...» на три группы: слова, используемые в эмотивном значении; слова, в значении которых наблюдается синкретизм эмотивного и терминологического значений; термины-омонимы. С привлечением лексикографических данных выявлена неустойчивость терминологических значений эмотивов, употребленных в юридическом тексте, и сохранение их в текстах, функционирующих в церковной сфере.

Ключевые слова: история русского языка, лексическая семантика, лексика эмоций, деловая письменность, законодательный текст.

Цитирование. Дмитриева Е. Г. Терминологические значения лексики эмоций в «Уставе князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 5. – С. 5–16. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.1>

Введение

Изучение формирования и развития делового стиля русского языка продолжает привлекать пристальное внимание ученых: объектом разноаспектного анализа становятся как уже известные, так и еще не исследованные тексты, в научный оборот вводятся архивные фонды и коллекции (см., например: [Рыбалко, Дмитриева, 2017; Документы Войска Донского..., 2020; и др.]).

Наблюдения над лексическим составом разнообразных в жанровом отношении памятников деловой письменности дают возможность выявить закономерности развития лексической системы русского языка в целом и отдельных классов слов, ее составляющих, в частности терминов. Как самостоятельные исследовательские области сформировались историческое терминоведение и историческая терминография (подробно о специфике этих направлений лингвистики см., например: [Борхвальдт, 2000; Киржаева, 2014]).

Принято считать, что термин в современном понимании – единица, характеризующаяся прежде всего наличием дефиниции (подробно о признаках термина см.: [Косова, 2003, с. 34–72]), – появляется в памятниках письменности на рубеже XVII–XVIII веков. Применительно к более ранним текстам говорить о терминах можно лишь с определенной долей условности, в широком смысле, как о словах, которые являются устоявшимся наименованием реалий, связанных с той или иной сферой, социальным институтом.

Многие такие прототермины возникали на базе общеупотребительных лексем, относящихся к разным частям речи [Горбань и др., 2015, с. 298]. По этой причине актуальным представляется изучение формирования терминологических значений у слов, принадлежащих к определенной лексической группе, которое позволит охарактеризовать ее семантический потенциал, а также описать механизмы складывания отдельных терминосистем.

Материал и методы

Источником языкового материала избран текст «Устава князя Владимира...» в изводе Синодальной редакции, относящемся к XIV веку¹. Сохранившийся более чем в двухстах списках памятник был хорошо известен на территории Руси и за ее пределами (УВ, с. 12), Синодальная редакция – наиболее распространенная.

С точки зрения юридической науки «Устав князя Владимира...» фиксирует каноническое, или церковное, право, и, хотя он практически не касается внутрицерковной жизни, в его лексическом составе можно выделить как юридические, так и церковные специальные наименования.

В центре нашего внимания находятся механизмы формирования терминологических значений на базе лексики эмоций, понимаемой как совокупность лексем, служащих для обозначения и описания эмоций и чувств, а также процессов их становления и внешних прояв-

лений. При изучении терминологизации эмотивной лексики мы опираемся на результаты, полученные нами при анализе ее функционирования в агиографических текстах. В житиях для передачи эмотивных значений релевантны такие семантические компоненты, как ‘эмоциональное переживание’ (маркер принадлежности к группе эмотивов), ‘характер эмоции’, ‘интенсивность эмоционального переживания’ [Горбань и др., 2015, с. 188], ‘оценка эмоционального переживания’ [Дмитриева, 2021, с. 58]. При этом случаи семантической деривации², в которых в качестве мотивирующих выступали бы эмотивные лексемы, в древнерусском и старорусском материале редки и житиям не свойственны.

В связи с этим вызывают интерес деривационные возможности эмотивной лексики, которые проявляются в деловых текстах, а также установление семантических признаков, реализация которых приводила к формированию у слов этой группы терминологических значений.

При исследовании истории эмотивов особое внимание уделяется синкретизму лексических значений (подробно о термине см., например: [Пименова, 2011; Горбань, Шептухина, 2017; Gorban', Sheptukhina, 2017]), что требует рассмотрения семантических процессов в диахроническом плане, поскольку оно дает возможность выявить случаи сохранения синкретизма и его преодоления.

Результаты и обсуждение

Семантика эмотивных единиц может быть рассмотрена в связи с категорией каузальности: с одной стороны, возникающее чувство соотносится с действием или предметом, которые его вызвали, с другой – эмоции находят свое внешнее проявление, мыслятся как причина поступков и поведения человека.

В лингвистике отношения каузальности рассматриваются в рамках различных подходов (см., например, монографические работы: [Аматов, 2003; Всеволодова, 2008; Теремова, 1985; Ященко, 2006; и др.]), при этом подчеркивается, что семантика причины и следствия находит свое категориальное выражение на синтаксическом, морфологическом и лексическом уровнях языка.

Такие отношения, применительно к лексике эмоций, проявляются в парадигматических связях слов и между значениями одного слова³. Так, в рамках семантического множества глаголов эмоций могут быть выделены языковые единицы, обозначающие процесс эмоционального переживания (*веселиться, любить, ненавидеть, радоваться, скорбеть, ужасаться, умиляться, уповать* и др.); следствие эмоционального переживания (*плакать, смеяться, улыбаться* и др.); эмоциональное воздействие (*веселить, оскорбить, прогневать, смутить, утешить* и др.) [Горбань и др., 2015, с. 185].

В истории многозначных эмотивов отмечается регулярный метонимический перенос «причина эмоционального переживания – эмоциональное переживание», отражающий результаты взаимодействия конкретно-пространственных и абстрактно-пространственных представлений человека о мире (подробно о терминах см.: [Лопушанская, 1998, с. 340]). При этом причина мыслится как нечто объективное, рациональное, а возникающее переживание – субъективное, эмоциональное. Это деление опосредовано отражено в лексическом значении слов.

В истории конкретных лексем может меняться соотношение между рациональным и эмоциональным значениями. Именно на базе первого возможно формирование термина. Показательным в этом отношении является существительное *обида*⁴, используемое в «Уставе князя Владимира...»:

(1) То люди ц(е)рк(о)вны|ѣ, б(о)г|адѣлн|ѣ. Мѣтро|пволитѣ или п(и)с(к)пѣ вѣ|дакѣ межи или|судѣ, или **шбнда**, или|котора, или **вражда**,|или **здница** (УВ, л. 629 об.).

В словаре М. Фасмера для глагола *обидеть* дается праформа **ob-vidēti*, устанавливается связь с глаголами *видеть* (Фасмер, т. 3, с. 100) и *завидовать* (Фасмер, т. 2, с. 72). Существительное *обида* и глагол *обидѣти* отмечаются в древнерусских текстах с XI в., прилагательное *обидный* – с XIV в., другие производные (*обидчивый, обидчик*) фиксируются в словарях с 1771 г. (Черных, т. 1, с. 585).

Существительное *обида* уже в древнерусском языке обладало развитой системой значений, входило в ряд устойчивых сочета-

ний. Основным значением для него авторами «Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)» признается «несправедливость, зло, насилие» (СДР, т. 5, с. 473), рассматриваемый пример (1) является иллюстрацией для другого значения – «вражда, ссора» (СДР, т. 5, с. 474). Эмотивные значения даются как неосновные (СДР, т. 5, с. 474). В «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского основным признается эмотивное значение «обида, оскорбление», значение «ссора» (Срезн., т. 2, стб. 502–504). Авторы «Словаря русского языка XI–XVII вв.» собственно эмотивное значение («чувство обиды») не выделяют (СРЯ XI–XVII, вып. 12, с. 49).

Термин *обида* в древнерусском языке характеризуется синкретизмом значений, будучи наименованием правонарушения и эмоционального переживания, вызванного нарушением прав. По-видимому, в древнерусском языке лексема *обида* выражала результат отрицательного физического и/или психологического воздействия на объект, проявляющийся и в определенном наносимом вреде, и в специфическом эмоциональном состоянии. Позднее *обида* была переосмыслена как действие, имеющее конкретный результат, что и закрепилось в сложном комплексе значений юридического наименования *обида*.

Привлечение лексикографических данных позволяет проследить дальнейшее развитие семантики слова. В русском языке XVIII в. существительное *обида* имело значения «действие, причиняющее вред, ущерб, убыток кому-л.» и «незаслуженное огорчение, оскорбление, а также чувство, вызванное таким огорчением» (СРЯ XVIII, вып. 15, с. 237–238). Широкое толкование слова *обида* находим в словаре В.И. Даля: «всякая неправда, тому, кто должен переносить ее; все, что оскорбляет, бесчестит и порицает, причиняет боль, убыток или поношение» (Даль, т. 2, стб. 1506).

В «Словаре церковнославянского и русского языка...» существительное *обида* фиксируется в двух значениях: 1) «оскорбление на словах или на деле»; 2) «убыток» (СЦРЯ, т. 3, с. 13). В «Полном церковно-славянском словаре», составленном Г. Дьяченко, существительное *обида* зафиксировано в двух значениях: 1) «корыстолюбие, обман»; 2) «несправедливость» (ПЦС, т. 1, с. 362).

В «Большом академическом словаре русского языка» существительное *обида* имеет два значения: 1) «несправедливо причиненное, незаслуженное огорчение, оскорбление, нанесенное кем-л. кому-л.; чувство душевной боли, горечи, досады, вызванное таким огорчением, оскорблением»; 2) в значении предикатива – разговорное «о том, что вызывает чувство огорчения, досады, заставляет пожалеть о чем-л.» (БАС, т. 13, с. 103–104).

В национальный период развития русского языка семантика слова *обида* претерпела изменения. Хотя терминологическое значение фиксируется еще в текстах XVIII в., в современном русском языке это слово сохранило только эмотивную семантику. Древний синкретизм значений разрушен, его отголоском можно считать запечатленные в значении отношения каузальности, подразумевающие обязательное наличие причины данного эмоционального переживания.

Взаимодействие эмоциональных и рациональных смыслов становится определяющим в процессе складывания терминологических значений лексики эмоций. Такие значения фиксируются уже в древнерусских деловых памятниках. Например, в «Русской правде» представлены три группы эмотивных лексем в зависимости от соотношения в их значениях рациональных (терминологических) и эмоциональных (общеязыковых) элементов: 1) слова, сохраняющие значение эмоционального переживания; 2) эмотивы, развившие дополнительное терминологическое содержание, характеризующиеся определенным семантическим синкретизмом; 3) термины-омонимы, сформировавшиеся в результате семантической деривации на базе эмотивных лексем [Дмитриева, 2017, с. 38].

В составе лексики эмоций, используемой в тексте «Устава князя Владимира...», также возможно выделить названные группы.

1. Эмотивные лексемы, не подвергшиеся терминологическому переосмыслению, представлены существительным *радость* и прилагательным *чудьный*:

(2) Г(о)с(под)ь р(е)уе: в д(е)нь месьть вѣ||здамь с'держацимъ | неправ'доу в разоумѣ, | тѣхъ угнь не оугасне|ть и уервь ихъ не оумре|ть, створшимъ же бла|гага – вѣ жизнь и в' радо|сть и нензреуенноую (УВ, л. 629 об.);

(3) ...а|из домовъ на всако|лѣто ѿт всакого ста|да и ѿт всакого жи|та **уюдномуу** Бп(а)сѹ и **уюднѣи** кго м(а)т(е)ри (УВ, л. 628).

Слова с корнем *-рад-* отмечаются в языках различных славянских народов, однако они практически не имеют родственных связей в других индоевропейских языках (Черных, т. 2, с. 93). Существительное *радость* уже в древнерусский период выступает как полисемант с основным эмотивным значением – «радость, радостное чувство, радостное состояние» (СДР, т. 9, с. 460), «чувство душевного удовлетворения, веселия» (Срезн., т. 3, стб. 13): Синкретизм значения существительного («причина чувства – чувство») отражен в толковании основного значения лексемы в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» – «радость, а также событие, лицо, вызывающее это чувство» (СРЯ XI–XVII, вып. 12, с. 49).

Прилагательное *чудъный* использовалось в древнерусских текстах с XI в. и восходит к индоевропейскому корню со значениями «проникаться уважением, почтением», «замечать», «слава», «репутация» (Черных, т. 2, с. 395), сближаясь с глаголами *чуютъ*, *чувствовать* (Фасмер, т. 4, с. 378). В «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского данная лексема фиксируется как многозначная, основным признается значение «достойный удивления», в качестве иллюстрации фрагмент анализируемого текста (3) привлекается при объяснении значения «почитаемый, чтимый» (Срезн., т. 3, стб. 1549). Возможно, значимой оказывается этимологическая связь с существительным *чудо*: «творящий чудо» – «удивляющий» – «достойный почитания».

2. Эмотивные лексемы, характеризующиеся синкретизмом эмотивного и терминологического (рационального) значений представлены прилагательным *страшный* и причастной формой *прокляты*:

(4) **А** кто по**в**идѣ|тъ соудъ ц(е)рковнѣи, пла|тити кмоу собою. а пѣ|ред б(ого)мъ томоу же **ѿтвѣ**|ѹати на **страшнѣмъ** |соудѣ... (УВ, л. 629).

(5) ...а по**в**идатъ соудъ ц(е)рк(о)внѣи, или|кто инѣи, да боудѣ|тъ **проклати** в'си|вѣкѣ и в' боудѹщнѣ|семню зборовѣ с(вѣ)т(ы)хъ |ѿт(е)ць вселенскыхъ (УВ, л. 629 об.).

Прилагательное *страшный*, производное от существительного *страх* со старшим значением «ощепенение» (Фасмер, т. 3, с. 772), по-видимому, восходит к индоевропейскому корню, с которым связаны такие лексемы, как *строгий*, *торчать* (Черных, т. 2, с. 207). В древнерусском языке прилагательное *страшный* выступало как полисемант: 1) «вызывающий страх или трепет», 2) «боязливый, робкий», выражение *страшный суд* без дополнительного толкования относится авторами к основному значению (СДР, т. 11, с. 619–622); 1) «внушающий страх, ужасный», 2) «наполняющий страхом, трепетом», устойчивое выражение *страшный суд* фиксируется в рамках реализации данного значения, 3) «великий, тяжкий», 4) «сильный, жестокий», 5) «изумительный» (Срезн., т. 3, стб. 546–547). В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» выражение *страшный суд* выступает многозначным: 1) «о Божьем суде над всеми людьми при наступлении конца света», 2) «название иконы» (СРЯ XI–XVII, вып. 28, с. 246).

По-видимому, можно говорить о формировании в рамках идиомы терминологического значения, характеризующегося внутренним синкретизмом: прилагательное *страшный*, выступая в составе устойчивого оборота *страшный суд*, не теряет связи со сферой чувств, но становится наименованием определенного события, действия, предмета и приобретает религиозную семантику.

Чтобы проследить дальнейшую историю этого выражения, необходимо обратиться к толковым словарям. В «Полном церковно-славянском словаре», составленном Г. Дьяченко, *страшный* – «внушающий почтение, благоговение, достопочтимый; удивительный, чудный», «величественный», «блистательный, светлый»; выражение *страшный суд* объясняется следующим образом: «В неделю мясопустную (воскресенье пред масленицею), у алтарей Успенского собора на площадке. После утрени, происходило действо Страшного суда: торжественное моление пред иконою пришествия Господня» (ПЦС, т. 2, с. 672).

В «Толковом словаре живого великорусского языка» выражение *страшный суд* – «всемирный, ожидаемый во второе пришествие» – помещено в словарную статью с вокабулой *суд* (Даль, т. 4, стб. 622).

В «Словаре современного русского литературного языка» прилагательное *страшный* толкуется как многозначное. В рамках основного значения «вызывающий, внушающий чувство страха; пугающий» отмечается устойчивое сочетание *страшный суд* – «по религиозным представлениям – суд, который якобы будет устроен богом над всеми людьми, когда наступит “конец мира”» (ССРЛЯ, т. 14, стб. 1017).

Устойчивое выражение *страшный суд* во фразеологических словарях характеризуется как книжное, имеющее значение «справедливый, неподкупный, грозный суд» (РФ, с. 676).

Дефиниции толковых словарей не включают эмотивный компонент, однако сохранившаяся семантическая связь с прилагательным *страшный* может свидетельствовать об остатках синкретизма значений.

Значение глагола *клясться* возникло из «проклинать себя», форма восходит к *клонить*, так как при произнесении клятв касались земли рукой (Фасмер, т. 2, с. 259).

Страдательное причастие от производного глагола *прокляти* в основном значении «проклясть, предать проклятию» (СДР, т. 9, с. 82), «проклясть, призвать проклятие» (Срезн., т. 2, стб. 1535–1537), «предать проклятию, призвать на кого-л. проклятие» (СРЯ XI–XVII, вып. 20, с. 152) используется в контексте (5). Поскольку в анализируемом памятнике речь идет о церковном суде, отличия данного значения от имеющегося в перечисленных лексикографических источниках толкования «предать анафеме; отлучить от церкви» неочевидны.

Глагол *проклясть* уже в древнерусском языке совмещает выражение личного неприятия, связанного в том числе и с чувственной сферой, и общественного осуждения, выражающегося в определенном церковном ритуале, а значит, имеет терминологическое значение.

В словаре В.И. Даля толкования глагола *проклясть* делятся по сфере функционирования: церковное «предать анафеме, отлучить от церкви» и гражданское «лишать благоволения, изгонять от себя, лишая наследия и всякого общения». Без помет дается эмотивное значение «ругать, поносить, призывать на кого-либо бедствия, желать кому-либо зла, ненавидеть» (Даль, т. 3, стб. 1280–1281).

В «Словаре церковнославянского и русского языка...» зафиксированы глаголы *клясть* – «предавать проклятию» (СЦРЯ, т. 2, с. 181) и *проклинать (проклясть)* – «отлучать от благодатного общения с церковью; лишать благоволения» (СЦРЯ, т. 3, с. 534), совпадающие во втором значении «злоречить и зложелать».

Согласно «Словарю современного русского литературного языка» и «Большому академическому словарю русского языка» глагол *проклинать (проклясть)* имеет два значения: 1) «предавать проклятию»; 2) обычно *несов.* «выражать сильное недовольство, возмущение кем-, чем-либо; бранить кого-, что-либо» (ССРЛЯ, т. 11, стб. 1153–1154; БАС, т. 21, с. 98–99).

Данные современных толковых словарей показывают, что терминологическое значение «предать анафеме» не фиксируется. Возможно, это свидетельствует о том, что, будучи функционально ограниченным, оно отошло к сфере Церкви.

3. При разграничении полисемии и омонимии мы опираемся на принципы, разработанные и апробированные С.П. Лопушанской и ее учениками, принимая в качестве важнейшего критерия сохранение или нейтрализацию категориальной лексической семы [Лопушанская, 1988, с. 15].

К парам омонимов с эмотивным и терминологическим значениями могут быть отнесены *обидѣти¹* (*нообидѣти¹* и *преобидѣти¹*) «вызвать эмоциональное переживание обиды» – *обидѣти²* (*нообидѣти²* и *преобидѣти²*) «нарушить права». В рассматриваемом памятнике отмечены омонимы с терминологическим значением:

(6) *А своимъ тноуномъ | приказываю соуда цє|рковнаго не швидѣти |и съ соуда давати ѿ |ча|стин князю, а ї-га с(вѣ)тѣ |и ц(є)ркви* (УВ, л. 629);

(7) *И своимъ | тноуномъ приказываю ц(є)рк(о)внаго соуд, не швидѣти, ни |соудити безъ вл(а)д(ы)ниа намѣстника* (УВ, л. 628 об.);

(8) *А кто повидѣти | соудъ ц(є)рковныи, пла|тити кмоу собою. а пє|ред в(ого)мъ томоу же штвѣ |вати на страшнѣмъ |соудѣ...* (УВ, л. 629);

(9) *...а повидѣти | соудъ ц(є)рк(о)вныи, или |кто инъи, да боудѣ |тъ проклати в' сии |вѣкѣ |и в' боудѣ |тъ семию зворовъ с(вѣ)т(ы)хъ |ш(тє)ць вселенскыхъ* (УВ, л. 629 об.);

(10) *Аже кто прех|видитъ нашъ оуста|въ, таковѣмъ не|прощенѣмъ вѣйти|штъ закѣна в(о)жиган|горе совѣ наслѣдоють* (УВ, л. 629).

Обратимся к данным исторических словарей.

Глагол *обидѣти* фиксируется в основном значении «отнестись (относиться) несправедливо, причинить (причинять) зло, совершить (совершать) насилие», для иллюстрации оттенка которого – «причинить (причинять) убыток, материальный ущерб кому-л., чему-л.» – привлекается контекст из анализируемого памятника (6) (СДР, т. 5, с. 476). И.И. Срезневский в основном значении – «относиться несправедливо, обижать, оскорблять» – совмещает рациональный и эмотивный компоненты значения (Срезн., т. 2, стб. 505–506), аналогично трактуется основное значение и в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» – «нанести (наносить) моральный или материальный ущерб, оскорбить (оскорблять), притеснить (притеснять)» (СРЯ XI–XVII, вып. 12, с. 50).

В текстах XVIII в. глагол *обидѣти* употреблялся в значениях «нанести каким-л. действием вред, ущерб, убытки кому-л.; притеснить» и «нанести обиду кому-л., оскорбить» (СРЯ XVIII, вып. 15, с. 238).

В словаре В.И. Даля *обидеть* толкуется как «наносить, творить обиду, оскорблять, причинять кому-либо неправо неприятность» (Даль, т. 2, стб. 1506), приставочные образования от данной лексемы не отмечены.

В «Словаре церковнославянского и русского языка...» глагол *обижать* (сов. *обидеть*) зафиксирован в значении «наносить обиды; оскорблять» (СЦРЯ, т. 3, с. 13). Г. Дьяченко глагол *обидѣти* объясняет следующим образом «кругом ходить, притеснять, оскорблять, осматривать кругом» (ПЦС, т. 1, с. 362).

В «Большом академическом словаре русского языка» глагол *обижать* (*обидеть*) имеет три значения: 1) «причинять, наносить кому-л. обиду»; 2) разговорное «наносить ущерб кому-л. в делах; причинять убытки, обманывать в денежных расчетах»; 3) разговорное «то же, что обделять» (БАС, т. 13, с. 106).

В русских говорах глагол *обидеть* фиксируется как многозначный: 1) «причинять огорчения; бранить, ругать», 2) «вырезать слишком много меда», 3) «разорить гнездо», 4) «кусать (о насекомых)» (СРНГ, вып. 22, с. 58).

Глагол *пообидѣти* – «пренебречь, не оказать уважения» – отмечается «Словарем древнерусского языка (XI–XIV вв.)» только в тексте «Устава князя Владимира...» (СДР, т. 7, с. 185). И.И. Срезневский основное значение этого глагола определил как «оскорбить», а сочетание *пообидѣти сѣдѣ църковьныи* фиксируется как идиоматическое, имеющее значение «нарушить судебные права церкви» (Срезн., т. 2, стб. 1187). Авторы «Словаря русского языка XI–XVII вв.» также выделяют данное идиоматическое выражение, а значение лексемы толкуют как «нанести кому-л. материальный или моральный ущерб; поступить несправедливо, обидеть» (СРЯ XI–XVII, вып. 17, с. 69). Следует отметить, что в обоих словарях устойчивое выражение иллюстрируется только примерами из «Устава князя Владимира...».

В «Словаре русского языка XVIII века» глагол *пообидѣти* не зафиксирован, но отмечена просторечная лексема *пообидѣться* – «обидеться» (СРЯ XVIII, вып. 22, с. 34–35).

В русских говорах зафиксирован глагол *пообидеть* – «нанести вред; испортить, повредить» (СРНГ, вып. 29, с. 282).

Глагол *преобидѣти* в «Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.)» выступает как многозначный: 1) «причинить (причинять) вред, совершить (совершать) насилие; обидеть (обижать)»; 2) «пренебречь (пренебрегать), проявить (проявлять) пренебрежение, нерадение, оставить (оставлять) без внимания»; 3) «отвергнуть (отвергать), отказаться (отказываться)»; 4) «нарушить (нарушать)» (СДР, т. 8, с. 239–241). В качестве иллюстрации для последнего значения используется фрагмент из анализируемого текста (10). И.И. Срезневский выделяет большее количество значений, однако включает перечень тем же значением «нарушать» (Срезн., т. 2, стб. 1675–1676).

В «Словаре церковнославянского и русского языка...» зафиксирован глагол *преобидѣти* (сов. *преобидеть*) – 1) «наносить обиду; оскорблять»; 2) «пренебрегать, презирать» (СЦРЯ, т. 3, с. 444). В «Полном церковно-славянском словаре» *преобидѣти*: 1) «очень обидеть, зло кому сделать»; 2) иногда «презреть» (ПЦС, т. 1, с. 488).

На использование глаголов *обидѣти*, *пообидѣти* и *преобидѣти* в общем для них терминологическом значении «нарушение прав / юридических норм» в изучаемом памятнике указывают характеристики объекта, не способного испытывать эмоциональные переживания, – *церковный суд, устав*. Рассмотрение истории лексем свидетельствует о том, что терминологическое значение утрачено. У сохранившегося в современном русском литературном языке глагола *обидеть* фиксируется рациональное значение «наносить ущерб», которое не связано с обозначением эмоциональных переживаний, однако оно функционально ограничено.

Выводы

Результаты анализа использования лексики эмоций в тексте «Устава князя Владимира...» и их сопоставление с лексикографическими данными свидетельствуют о том, что образование терминологических значений у эмотивной лексики носило регулярный характер и обуславливалось прежде всего сферой ее использования.

Терминологические значения возникали у слов различной частеречной принадлежности (глаголов, существительных, прилагательных). Базой для их появления служили семантические компоненты, отражающие объективную, рациональную сторону называемых предметов, процессов, признаков и отражающие в смысловой структуре эмотива каузальные отношения – причину или следствие эмоционального переживания.

Терминологические значения могли сохранять связь с эмотивной семантикой, по отношению к таким лексемам можно говорить о внутреннем синкретизме, а также формировать термины-омонимы.

Образование юридических терминов на основе эмотивов в истории русского языка ограничилось древнерусским периодом. В целом эти специальные наименования оказались малочисленны и со временем ушли из словарного состава. Однако в религиозной сфере устойчивые сочетания на базе эмотивных лексем, имеющие терминологическое значение, закрепились, что отражают данные современного русского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Анализируемые контексты приводятся по Синодальному изводу Синодальной редакции «Устава князя Владимира...» (см. список источников).

² Семантическая деривация рассматривается как процесс, приводящий к появлению новой категориально-лексической семы, нового слова – омонима, характеризующегося иными системными отношениями [Лопушанская, 1988, с. 15].

³ Мысль о тесной связи каузальной и эмотивной семантики подтверждают наблюдения О.В. Колесниковой, исследующей особенности вербализации семантики следствия фразеологическим единицами: «Данные ФЕ преимущественно употребляются в ситуациях, представляющих следствие как проявление различных эмоциональных состояний субъекта» [Колесникова, 2018, с. 92].

⁴ Поскольку в статье рассматривается история слов и привлекаются данные различных лексикографических источников, для облегчения восприятия в ходе изложения материала анализируемые лексемы используются в современной графической форме (в случае, когда лексемы в современном русском языке не отмечены, дается историческое написание).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аматов А. М., 2003. Причинно-следственные связи на разных уровнях языка. М. : [МПУ]. 219 с.
- Борхвальдт О. В., 2000. Лексика русской золотопромышленности в историческом освещении. Красноярск : КГПУ. 400 с.
- Всеволодова М. В., 2008. Причинно-следственные отношения в современном русском языке. М. : Изд-во ЛКИ. 208 с.
- Горбань О. А., Дмитриева Е. Г., Косова М. В., Сафонова И. А., Терентьева Е. В., Шептухина Е. М., 2015. Семантика древнерусского глагола: синхронно-диахронический аспект. 2-е изд., доп. М. : Флинта : Наука. 352 с.
- Горбань О. А., Шептухина Е. М., 2017. «Русская правда»: смысловое варьирование названия в текстовом окружении // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 16, № 1. С. 6–21. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.1.1>
- Дмитриева Е. Г., 2021. Лексика эмоций в житиях святых для детей: функциональный аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 20, № 6. С. 56–64. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.5>

- Дмитриева Е. Г., 2017. Об эмоциональном и рациональном в тексте «Русской Правды» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 16, № 1. С. 35–46. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.1.3>
- Документы Войска Донского XVIII века: лингвистическое описание и тексты, 2020 / О. А. Горбань, М. В. Косова, Е. М. Шептухина, Е. Г. Дмитриева, И. А. Сафонова ; под общ. ред. О. А. Горбань. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 464 с.
- Киржаева В. П., 2014. Историческая терминология русского языка как предмет междисциплинарной разработки // Юридическая лексика русского языка XI–XVII веков. Саранск : Изд-во Морд. ун-та. Вып. 1. С. 6–14.
- Колесникова О. В., 2018. Особенности вербализации семантики следствия во фразеологической картине мира русского языка // Научный диалог. № 2. С. 85–96. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-2-85-96
- Косова М. В., 2003. Русская лингвистическая терминология: семантические процессы. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 327 с.
- Лопушанская С. П., 1988. Изменение семантической структуры русских бесприставочных глаголов движения в процессе модуляции // Русский глагол (в сопоставительном освещении). Волгоград : Изд-во ВПИ. С. 5–19.
- Лопушанская С. П., 1998. Конкретно-пространственное и абстрактно-пространственное восприятие мира человеком как философская основа объяснения эволюции языка // Человек в современных философских концепциях : материалы Междунар. науч. конф. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 337–346.
- Пименова М. Вас., 2011. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // Вопросы языкознания. № 3. С. 19–48.
- Рыбалко Н. В., Дмитриева Е. Г., 2017. Соликамский архив: реконструкция и источниковедческий анализ (1605–1608 годы). Волгоград : Изд-во ВолГУ. 319 с.
- Теремова Р. М., 1985. Опыт функционального описания причинных конструкций. Ленинград : ЛГУ. 70 с.
- Ященко Т. А., 2006. Каузация в русском языковом сознании. Симферополь : ДИАЙПИ. 478 с.
- Gorban O. A., Sheptukhina E. M., 2017. Context-Based Meaningful Variation of Lexeme PRAVDA in Oldest Russian Code // Advances in Social Science, Education and Humanities Research (ASSEHR) : Proceedings of the 7th International Scientific and Practical Conference “Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities” (CILDIAH2017). Vol. 97. P. 109–115.
- ИСТОЧНИК**
- УВ – Устав князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / отв. ред. акад. Л. В. Черепнин ; изд. подгот. Я. Н. Шапов. М. : Наука, 1976. С. 12–84.
- СЛОВАРИ**
- БАС – Большой академический словарь русского языка / РАН. Ин-т лингвист. исслед. ; гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. Т. 1– . М. ; СПб. : Наука, 2004– .
- Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М. : Терра, 1998.
- ПЦС – Полный церковно-славянский словарь. В 2 т. / сост. свящ. магистр Г. Дьяченко. М. : Терра, 1998.
- РФ – Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология : ист.-этимол. слов. / под ред. В. М. Мокиенко. М. : Астрель : АСТ : Люкс, 2005. 926 с.
- СДР – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1– . М. : Рус. яз. : Азбуковник, 1988– .
- Срезн. – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3 т. Репр. изд. 1893–1912 гг. М. : Знак, 2003.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М. ; Л. / СПб. : Наука, 1965–2021. Вып. 1–52.
- СРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. М. : Наука, 1975–2015.
- СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–6. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1984–1991 ; Вып. 7–19. СПб. : Наука. С.-Петерб. отд-ние, 1992–2011. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/0slov.htm>
- ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. / под ред. А. М. Бабкина [и др.]. М. ; Л. : Наука, 1950–1965.
- СЦРЯ – Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук. В 4 т. СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1847.
- Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. СПб. : Терра-Азбука, 1996.
- Черных – Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. М. : Рус. яз., 2002.

REFERENCES

- Amatov A.M., 2003. *Prichinno-sledstvennyye svyazi na raznykh urovnyakh yazyka* [Causal Relationships at Different Levels of Language]. Moscow, [MPGU] Publ. 219 p.
- Borkhval'dt O.V., 2000. *Leksika russkoy zolotopromyshlennosti v istoricheskom osveshchenii* [The Vocabulary of the Russian Gold Industry in Historical Coverage]. Krasnoyarsk, KGPU Publ. 400 p.
- Vsevolodova M.V., 2008. *Prichinno-sledstvennyye otnosheniya v sovremennom russkom yazyke* [Causal Relations in Modern Russian]. Moscow, LKI Publ. 208 p.
- Gorban' O.A., Dmitrieva E.G., Kosova M.V., Safonova I.A., Terenteva E.V., Sheptukhina E.M., 2015. *Semantika drevnerusskogo glagola: sinkhronno-diakhronicheskiy aspekt* [Semantics of Old Russian Verb: Synchronous and Diachronic Aspect]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 352 p.
- Gorban' O.A., Sheptukhina E.M., 2017. «Russkaya pravda»: smyslovoe varirovaniye nazvaniya v tekstovom okruzhenii [Russkaya Pravda: Semantic Variation of the Title in Textual Context]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 16, no. 1, pp. 6-21. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.1.1>
- Dmitrieva E.G., 2021. Leksika emotsiy v zhitiyakh svyatykh dlya detey: funktsionalnyy aspekt [Vocabulary of Emotions in Hagiographies for Children: Functional Aspect]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics]. vol. 20, no. 6, pp. 56-64. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.5>
- Dmitrieva E.G., 2017. Ob emotsionalnom i ratsionalnom v tekste «Russkoy Pravdy» [On the Emotional and the Rational in the Text of Russkaya Pravda]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 16, no. 1, pp. 35-46. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.1.3>
- Gorban O.A., Kosova M.V., Sheptukhina E.M., Dmitrieva E.G., Safonova I.A., 2020. *Dokumenty Voyska Donskogo XVIII veka: lingvisticheskoe opisanie i teksty* [Documents of the Don Army of the 18th Century: Linguistic Description and Texts]. Volgograd, Izd-vo VolGU. 464 p.
- Kirzhaeva V.P., 2014. Istoricheskaya terminografiya russkogo yazyka kak predmet mezhdistsiplinarnoy razrabotki [Russian Historical Terminography as a Subject of Interdisciplinary Development]. *Yuridicheskaya leksika russkogo yazyka XI–XVII vekov* [Legal Vocabulary of the Russian Language of the 11th – 17th Centuries]. Saransk, Izd-vo Mord. un-ta, iss. 1, pp. 6-14.
- Kolesnikova O.V., 2018. Osobennosti verbalizatsii semantiki sledstviya vo frazeologicheskoy kartine mira russkogo yazyka [Features of Verbalisation of Semantics of Consequence in Phraseological Picture of the World in the Russian Language]. *Nauchnyy dialog*, no. 2, pp. 85-96. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-2-85-96
- Kosova M.V., 2003. *Russkaya lingvisticheskaya terminologiya: semanticheskie protsessy* [Russian Linguistic Terminology: Semantic Processes]. Volgograd, Izd-vo VolGU Publ. 327 p.
- Lopushanskaya S.P., 1988. Izmeneniye semanticheskoy struktury russkih bespristavochnykh glagolov dvizheniya v processe modulyatsii [Changes in the Semantic Structure of Unprefixed Russian Verbs of Motion in the Modulation Process]. *Russkiy glagol (v sopostavitel'nom osveshchenii)* [The Russian Verb (Comparative Aspect)]. Volgograd, Izd-vo VPI, pp. 5-19.
- Lopushanskaya S.P., 1998. Konkretno-prostranstvennoe i abstraktno-prostranstvennoe vospriyatiye mira chelovekom kak filosofskaya osnova obyasneniya evolyutsii yazyka [Concrete-Spatial and Abstract-Spatial Perception of the World by Man as a Philosophical Basis for Explaining the Evolution of Language]. *Chelovek v sovremennykh filosofskikh kontseptsiyakh: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Man in Modern Philosophical Concepts: Proceedings of the International Scientific Conference]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 337-346.
- Pimenova M.Vas., 2011. Leksiko-semanticheskiy sinkretizm kak proyavleniye formalno-soderzhatel'noy yazykovoy asimmetrii [Lexico-Semantic Syncretism as a Manifestation of Formal and Meaningful Linguistic Asymmetry]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], no. 3, pp. 19-48.
- Rybalko N.V., Dmitrieva E.G., 2017. *Solikamskiy arkhiv: rekonstruktsiya i istochnikovedcheskiy analiz (1605–1608 gody)* [Solikamsk Archive: Reconstruction and Source Study Analysis (1605–1608)]. Volgograd, Izd-vo VolGU. 319 p.
- Teremova R.M., 1985. *Opyt funktsional'nogo opisanija prichinnykh konstruktсий* [Experience of Functional Description of Causal Constructions]. Leningrad, LGU Publ. 70 p.

- Yashchenko T.A., 2006. *Kauzatsiya v russkom yazykovom soznanii* [Causation in the Russian Language Consciousness]. Simferopol, DIAYPI Publ. 478 p.
- Gorban' O.A., Sheptukhina E.M., 2017. Context-Based Meaningful Variation of Lexeme PRAVDA in Oldest Russian Code. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research (ASSEHR) : Proceedings of the 7th International Scientific and Practical Conference "Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities" (CILDAH 2017)*, vol. 97, pp. 109-115.
- SOURCE**
- Cherepnin L.V., Shchapov Ya.N., eds. *Ustav knyazya Vladimira o desyatinakh, sudakh i lyudyakh tserkovnykh* [The Charter of Prince Vladimir on Tithes, Courts and Church People]. *Drevnerusskie knyazheskie ustavy XI-XV vv.* [Ancient Russian Princely Charters of the 11th–15th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 12-84.
- DICTIONARIES**
- Bolshoy akademicheskii slovar russkogo yazyka. T. 1*– [Large Academic Dictionary of the Russian Language. Vol. 1–]. Moscow; Saint Petersburg, Nauka Publ., 2004– .
- Dal' V.I. *Tolkovyy slovar zhivogo velikoruskogo yazyka. V 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 Vols.]. Moscow, Terra Publ., 1998.
- Polnyy tserkovno-slavyanskiy slovar. V 2 t.* [The Complete Church Slavonic Dictionary. In 2 Vols.]. Dyachenko G., ed. Moscow, Terra Publ., 1998.
- Birikh A.K., Mокienko V.M., Stepanova L.I. *Russkaya frazeologiya: ist.-etimol. slov.* [Russian Phraseology. Historical and Etymological Dictionary]. Mокienko V.M., ed. Moscow, Astrel Publ., AST Publ., Lyuks Publ., 2005. 926 p.
- Slovar drevnerusskogo yazyka (XI-XIV vv.). T. 1*– [Dictionary of the Old Russian Language (11th–14th Centuries). Vol. 1-]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., Azbukovnik Publ., 1988– .
- Sreznevskiy I.I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pismennym pamyatnikam. V 3 t.* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language in Written Manuscripts. In 3 Vols.]. Reprint Edition. 1893–1912. Moscow, Znak Publ., 2003.
- Filin F.P., Sorokoletov F.P., Myznikov S.A., eds. *Slovar russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Moscow; Leningrad / Saint Petersburg, Nauka Publ., 1965–2021, vols. 1–52.
- Slovar russkogo yazyka XI-XVII vv. Vyp. 1–30* [Dictionary of the Russian Language (11th –17th Centuries). Iss. 1-30]. Moscow, Nauka Publ., 1975–2015.
- Slovar russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of Russian Language of the 18th Century]. Leningrad, Nauka Publ., 1984–1991, vol. 1-6; Saint Petersburg, Nauka Publ., 1992–2011, vol. 7-19. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/Oslov.htm>
- Babkin A.M., Barkhudarov S.G., Filun F.P. et al., eds. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. V 17 t.* [Dictionary of Modern Russian Literary Language. In 17 Vols.]. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1950–1965.
- Slovar tserkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka, sostavlennyy Vtorym otdeleniem Akademii nauk. V 4 t.* [Dictionary of Church Slavonic and Russian, Compiled by the Second Department of the Academy of Sciences. In 4 Vols.]. Saint Petersburg, Imperat. akad. nauk Publ., 1847.
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar russkogo yazyka. V 4 t.* [Etymological Dictionary of Russian Language. In 4 Vols.]. Saint Petersburg, Terra-Azbuka Publ., 1996.
- Chernykh P.Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar sovremennogo russkogo yazyka. V 2 t.* [Historical and Etymological Dictionary of Modern Russian. In 2 Vols.]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2002.

Information About the Author

Evgeniya G. Dmitrieva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, eg_dmitrieva@volsu.ru, iryas@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5117-5677>

Информация об авторе

Евгения Геннадьевна Дмитриева, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, eg_dmitrieva@volsu.ru, iryas@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5117-5677>